

ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Г.Р. Москвин

Тема возрождения русской культуры стала в последнее время чрезвычайно важной для общественного сознания. С возвращением к ценностям, утерянным в XX веке, связывают надежды на духовное и экономическое возрождение страны и такая постановка вопроса почему-то не кажется странной. Вроде бы очевидно, что революция и последовавшие за ней трагические годы нашей истории были прямым следствием политического и экономического устройства России и механизмы, обеспечивавшие жизнь погибшего строя, были порочны.

Впрочем, когда обсуждают проблемы возрождения, **механизмы** обычно оставляют в стороне, сосредотачиваясь на ценностях, извлеченных из идеальных представлений, выработанных в рамках литературной и философской традиций. Либо, что происходит значительно чаще, погибшая Россия, вернее, ее изображения будь то образы, памятники, тексты, переживаются чисто эстетически, что позволяет заслониться от тягот повседневности и даже придать себе (именно СЕБЕ) **видимость возвышенности и духовности**. Но такая духовность скорее напоминает пьянство, которое может быть бытовым и запойным - в зависимости от степени и длительности отравления.

Удивительно, что на исходе XX века, когда даже самые нищие страны вкладывают последние средства в университеты и стремятся приобщиться к высоким технологиям, в России рассуждают о восстановлении храма "Христа Спасителя" и (что уж совсем поразительно) связывают с этой "новостройкой" надежды на какой-то переворот в душах людей. И все это в стране, где толком не организовано ни одно дело: от выдачи пальто в гардеробе до полетов в космос.

Культура в наших глазах - что-то возвышенное, наша же **повседневная деятельность**, наоборот, нечто рутинное и в своей основе недостаточное. Масштаб повседневной работы слишком мал, чтобы считать ее фактом культуры - это порождает **ощущение неполноты жизни**, которая должна быть изжита каким-то действием, сразу ставящим нас в круг исторических событий. **Можем ли мы как-либо преодолеть этот разрыв и нащупать "тело" культуры в ткани нашей повседневной деятельности?**

Группа научных работников Красноярского научного центра СО АН СССР и Красноярского госуниверситета исследовала этот вопрос совместно с большой группой работников культуры и образования из различных регионов страны. Работа была организационно подготовлена Культурно-экономическим центром

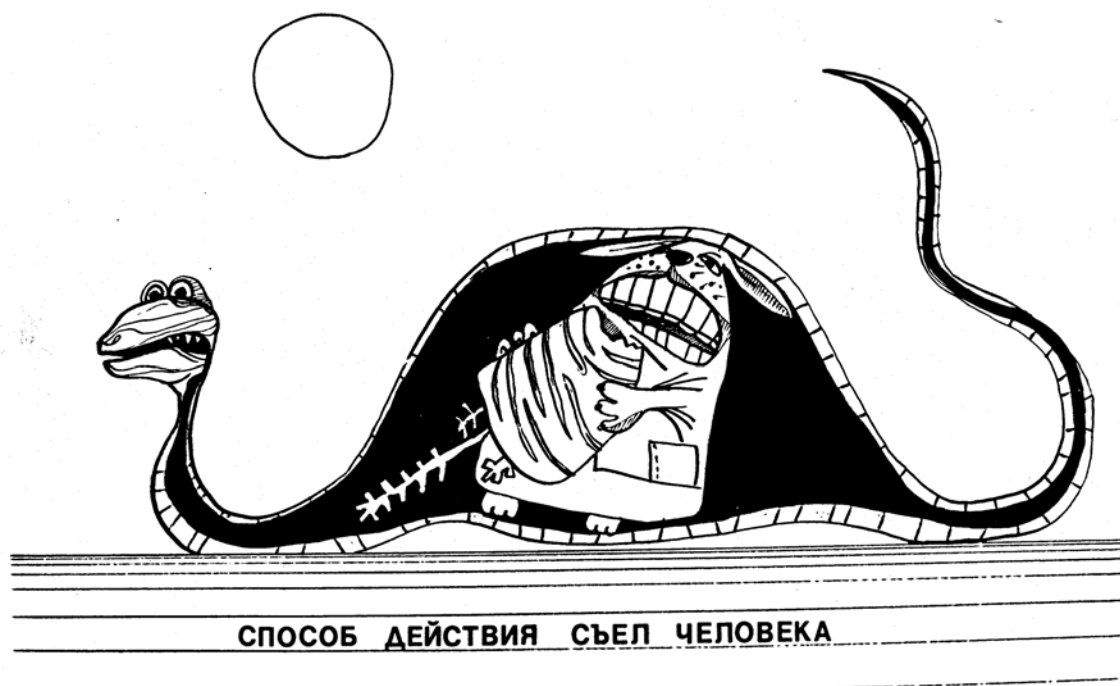
Россия-Канада при поддержке Русского Национального Банка и проводилась по заказу этого центра. Руководитель эксперимента - А.Н.Горбань.

Эта работа была не научной конференцией, а специально организованным социально-психологическим экспериментом, с одной стороны, и попыткой разработать и довести до стадии реализации некоторые культурные проекты - с другой.

В эксперименте изучались **элементарные события и процессы**: акты **общения, понимания, принятия решений, организации** совместной деятельности. Именно в этих событиях **соединяются наши представления и наша деятельность**, и потому появляется возможность **проверить любое представление на жизненность**.

События в ходе эксперимента развивались в несколько этапов, в каждом из которых проявлялись реальные проблемы, делающие нашу жизнь такой, какова она есть. Результаты эксперимента сейчас обрабатываются и будут опубликованы позже.

А пока - первые впечатления. Но прежде, чем перейти к ним, необходимо сделать следующее методологическое замечание. Поскольку эксперимент проводился с небольшой группой участников, то его результаты могут быть экстраполированы на макросоциальную ситуацию только при определенных условиях.

Увы, Способ Действия обычно сильнее Человека, убеждаемся в этом вновь и вновь – нет ничего слаще морковки привычных действий и рассуждений, даже если нас уже съели!

Рисунок Валерия Иванова – Валериуса с одной из игр, 1990.

Мы не можем рассматривать себя и наших коллег по эксперименту в качестве экспертов в сфере культуры - для этого нам нужно стать крупными деятелями в этой области. **Мы можем лишь нести на себе определенные культурные феномены.** Но тогда макрокультурная и макросоциологическая ситуации могут быть представлены только через специфическое истолкование некоторых "психологизмов", т.е. **событий, происходивших с нашей собственной личностью** в процессе эксперимента-игры.

Такое истолкование должно вскрывать всеобщее в событиях, выступающих всякий раз в **индивидуальной форме и осознаваемых как уникальные.** Кроме того, для нас важно представить процессы, обыкновенно рассматриваемые как надсубъективные, через их субъективное бытийствование для того, чтобы **уйти от безысходности**, выражающейся в постоянном указывании на "объективное" состояние дел.

Такое указывание всегда служило хорошим **обоснованием безответственности.** Поэтому нам для изложения результатов требуется выразиться посредством специфического языка, позволяющего ухватить всеобщее макросоциальной ситуации в сугубо индивидуальных событиях.

Нижеследующее представляет такую попытку, которая, разумеется, имеет ограниченный характер. **Мы все поразительно хорошо знаем, чего у нас нет.** Впрочем, это и несложно - у нас нет ничего из того, что есть в развитых странах. Мы также хорошо осведомлены о том, **как должно быть все устроено.** И эта осведомленность - наш самый большой самообман, поскольку **неверна исходная интенция - отрицание уже сложившегося и существующего мира,** который есть единственное **пространство нашего существования.** Достаточно того, что он устроен не удовлетворяющим нас способом. В противоположность существующему мы предлагаем эскиз нового мироустройства. Загвоздка же заключается в том, что нас упорно никто не хочет слышать, а **окружающая действительность не желает измениться ни на йоту.** И мы, люди обычные, лишенные духовного дара пророчества, оказываемся в одиночестве и поэтому требуем к себе **сочувствия** и жалости, либо возвышающего обмана.

Разумеется, **конструктивное действие** становится невозможным, поскольку оказывается вытесненным переживанием трагичности существования - знаменитым **русским страданием.** У нас нет в распоряжении власти, позволяющей что-либо изменить в окружающем мире. **"Власть"** может быть понята двояко:

- как способность **принудить другого** делать что-либо для нас посредством силы или угрозы ее применения;
- как способность **побудить другого** к необходимому действию.

Непосредственное применение силы приносит лишь временные и ограниченные результаты. Побуждение же возможно лишь как побуждение к совместной деятельности. **Деятельность предполагает претерпевание и преодоление**, поэтому от предлагающего ее ожидают, **во-первых жертвы**, доказывающей его собственную готовность к действию, во-вторых, убедительности предлагаемого **плана действий**, с очевидностью свидетельствующего о необходимости этого дела для нас. Эта **убедительность есть искусство** в предполагаемом действовании, и специальное умение представить ее другому в качестве необходимой. Но **горизонт**, в котором только и возможно существование искусства **задается миром средств**.

Мы столкнулись с таким состоянием, когда **никто не озабочен дефицитом или полным отсутствием средств**. Реальность, которая развернулась на наших глазах, такова, что цели и средства никак в ней не связаны. Можно даже сказать, что **целей в этой реальности как бы и нет вовсе**.

Вместо целей выдвигается некоторый **абстрактный идеал**, который только созерцается, и, если и предпринимаются какие-либо шаги для его реализации, то мы очень быстро обнаруживаем себя на грешной земле, а пожелание нового лучшего мира исчезает без следа. Эта ситуация повторяется всякий раз, когда мы размышляем о культуре, судьбе Родины и прочих высоких материях. И это - своего рода **модель того, что происходило с Россией** в прошлом и происходит сейчас.

Конструктивное инновационное действие всегда в нашей истории оказывалось под подозрением, поскольку требовало труда, что приводило к столкновению с характерным способом целеполагания.

Труд имеет свою определенную духовную подоснову, существование которой позволяет преодолеть "материальный момент" процесса труда - укорененность его в преходящих потребностях. Кроме того, "культурная оболочка" необходима как способ примирения человека с тем насилием, подчинение которому является существенной предпосылкой для включения в трудовой процесс. **Без этого одухотворения дисциплины всякий труд превращается просто в мучение**.

Такое одухотворение можно рассматривать двояко. С одной стороны, речь должна идти о **мотиве, "запускающем"** сам процесс труда, с другой - о **системе духовных явлений, поддерживающих напряжение трудового процесса** и его

целесообразность. В силу потребности в такой духовной подоснове труд экзистенциально связан с частной собственностью.

Здесь не идет речи частной собственности как только о правовой форме. Эта форма лишь *post factum* выступает на сцену, фиксируя уже сложившиеся **жизненные установки личности**. Ядром такой установки является **состязательность**. Русские мыслители, особенно тяготеющие к почвенническому направлению, упрекают западную культуру в грехе индивидуализма и "распадения".

Состязательность действительно лежит в основе западноевропейской культуры. "Война - отец всего," - говорил Гераклит, мыслитель с которого начинается западное мышление. *Bellum omnes contra omnes* - естественное состояние человека для Томаса Гоббса. *Competition* - единственная сила, движущая развитием промышленности, а развитие промышленности есть все, - таков взгляд политической экономии

Суть русской культуры - духовное отношение между людьми, основанное на взаимной возвышающей любви. Состязательность разрушает эту основу и поэтому не приемлема с точки зрения "почвы". И эта точка зрения выражает очень глубокую сущностную установку русского духа. Неправда этого взгляда в том, что состязательность невозможно рассматривать только как конкуренцию за материальные блага (само слово "состязательность" указывает на совместность стези преодоления и деяния).

Состязательность - не война, не стремление уничтожить другого, но прежде всего **взаимное разворачивание продуктивности** индивидов, выражающейся в **эффективности**. Низкая эффективность и отсутствие озабоченности ею, на наш взгляд, - главная проблема русской культуры.

Труд, как это ни парадоксально звучит, **не есть проблема в нашей культуры**. Включение человека в процесс труда и его жизнь внутри этого процесса кажутся нам естественными и не требующими еще каких-то особенных форм "окультуривания". Поэтому для нас не выступает проблемой и эффективность - ядро трудовой деятельности, на основе которой развивается основы осмысления самой жизни. Эффективность выступает как главный смыслообразующий момент существования. Труд, не имеющий результата или имеющий малозначимый результат, означает только напрасно потраченное время жизни, что осознается как трагедия.

Озабоченность эффективностью, если взять самое ее первое определение, предполагает, что **цель не совпадает с идеалом**, а прежде всего опирается на

наличные средства (в число которых должны быть включены и духовные качества индивидов). **Ставится всегда достижимая цель.** Но наряду с этим **наращиваются** и сберегаются **средства** и это наращивание выступает как **рост ресурса свободы**, которая оказывается поэтому необходимостью ограничиться наличными средствами и достижимыми целями.

Сбережение и накопление средств, в свою очередь, диктуется не только конкретными целями, теряющими значимость по мере их достижения, и даже не сферой целей вообще. **Существенным является другой момент. Этот момент - время.** Для нас **остается неосознанным экзистенциальное единство времени.**

Мы как бы живем в двух временных измерениях. Существует "**время нашей жизни**", в котором мы - разумные, волевые субъекты, несущие ответственность за нашу судьбу. Это - время нашей личной истории, определяющей нашу судьбу. Но существует **время событий, как бы текущих мимо нас**, которое не переживается субъективно как исчерпание жизни. Можно даже, и без особых усилий, провести умозрительную границу между этими двумя временными регионами.

В результате **эффективность осознается как проблема только в отношении "времени нашей жизни"** и не соотносится к существованию в целом. Накопление средств - это способ достичь экономии времени вообще, а, стало быть, и экономии самой жизни. **Изобретательность** поэтому - **способ существования свободы.** Поиски же смысла вне связи с конкретными задачами, уже поставленными самой жизнью, скорее просто напрасная трата времени.

Русское мышление тоталитарно и не потому, что им овладели какие-либо "неправильные" идеи. Тоталитарность русского мышления заключается не в идеях, **а в способе его функционирования, в его соотношении с реальностью.**

Мышление, с порога отрицающее мир,- тоталитарно и иллюзорно. И нет никакой разницы, какими игрушками оно забавляется - марксистскими или православными. Оно **тоталитарно, поскольку претендует на мир в целом** и, если за ним стоит сила, стремится навязать себя миру в качестве закона. Но оно **же и иллюзорно, поскольку полагает как абсолютно должное лишь один из бесчисленного числа возможных взглядов на мир**, гораздо более многообразный, чем любое представление о нем.

В эксперименте участники столкнулись с простым фактом, заключающемся в том, что **на основе представлений о должностовании невозможно ни о чем**

договориться и, следовательно, невозможно предпринять никаких конструктивных действий. Но раз исчезла возможность совместного действия, то исчезли и основания для коллективного существования, что **было компенсировано совместным эмоциональным переживанием** (благо для этого у каждого нашлись средства - поэзия и музыка).

Соборность разыгралась на глазах участников эксперимента. Та самая соборность, о которой столько написано и о необходимости которой столько твердят сейчас. **Непосредственное глубоко эмоциональное переживание общности с другими - как раз то, что необходимо при отсутствии возможности конструктивного действия.** Поэтому соборность - утопический идеал.

В том виде, в котором эта идея разработана в русской философии, она **требует духовного подвига, самоотречения и любви**, и это требование не может быть предъявлено обычному человеку, равно как невозможно требовать от общества, чтобы оно состояло целиком из подвижников. Когда же **соборность** происходит **в отсутствие подвижников - это только разливание розовых соплей по поводу собственного бессилия.** Здесь не помогут ни храм, ни повторение слов завета или умершей философии, поскольку очевидно, что дух живет не там, где иконы и слова.

Отрицание мира - гордыня, главный из грехов для христианина. **Принятие мира таким, каков он есть - это смирение.** Можно интерпретировать христианское требование смирения **не как этический постулат** (т.е. относящийся к поведению), **а как постулат онтологический** (т.е. относящийся к сути мироустройства).

Смирение - ограничение своим уделом и побуждение к исполнению долга, следующего из этого удела. Но потому и можно говорить об онтологическом характере христианского требования смирения, что долг, о котором идет речь, не есть долг перед обществом, государством или отдельными людьми, но исключительно долг исполнения своего дела.

Критерием исполнения дела может быть только результат и издержки затраченные на его достижение. но такому пониманию противоречит переживание культуры как духовного порыва, напряжения, дающего ощущение полноты существования и выводящего в новые горизонты бытия. **Русскую культуру можно охарактеризовать как культуру откровения и ожидания откровения.**

Термин "**откровение**" принадлежит сфере религиозного опыта. Но мы можем рассматривать феномен откровения как общий для самых различных сфер деятельности. **Откровение - это некая простая истина обладающая силой, способной однократным действием примирить все противоречия в некоторое вечное единство**, обеспечивающее существование вне круга заботы. Но **многообразие современного мира не позволяет существовать подобной истине**. Это многообразие, развертывающееся на основе развития технической цивилизации не может быть схвачено ни каким гением. Кроме того, и это более важный момент, время пророчеств прошло безвозвратно даже для нашей культуры. Мы уже стали **слишком индивидуалисты, чтобы верить в пророков**.

Ожидание откровения - глубокий обман и все, что бы не явилось нам в качестве такового, принесет лишь разочарование. Это означает, что **в мире господствует предопределение**. Смысл его не в том, что у нашей жизни есть заранее определенный рисунок, но в том, что всякое **действие**, если оно действительно содержательно, **возвращает деятеля к его собственной ограниченности и ставит его перед фактом неумолимого утекания времени**. Противоположное невозможно. Но это означает, что человек замкнут в круг постоянно воспроизводящейся неудовлетворенности миром. Преодолеть этот круг можно, только постоянно убегая от собственной ограниченности.

Свобода становится лишь ростом количества возможностей и **перестает быть "волей"**, т.е. бытием вне круга заботы. Мы, таким образом, снова **возвращаемся к эффективности**, понимаемой как **производительность**. И здесь - **ключевая проблема**, своеобразно проявившаяся в эксперименте. **Эффективность вызывает обиду**, поскольку, столкнувшись с ее проявлением, мы сталкиваемся лицом к лицу с собственным неумением делать дело. Такая обида - массовый социальный факт.

Рассуждения о народном подвиге в Великой войне закрывают факт вопиющей, позорнейшей в истории человечества неэффективности военной организации, к которой причастны все: от солдата до маршала. Но сколько злобы и ненависти вызывает попытка по-человечески (т.е. считая жертвы) подойти к этим событиям. **Эффективность ставит нас под сомнение** и мы отворачиваемся от нее, а тем самым - **отворачиваемся от техники**.

Искусство повышения эффективности - это **техника, социальное образование, ставящее человека в подчинение себе**. Для нас техника является всего лишь устройством, внешним к нашей духовности и лежащим вне пределов, очерчиваемых временем нашей жизни. И поэтому техника в нашем представлении не есть феномен культуры, относящийся к сути нашего существования.

Мир техники противопоставлен в нашем мышлении культуре. Цивилизация (техника) - полезная, культура - духовная. Подобное противопоставление, впрочем, уже было сделано в немецкой философии конца XIX - начала XX века. Движение только на основе полезности постоянно возвращает нас к факту нашей ограниченности. Смысл, который мы ожидаем от культуры, наоборот должен сделать наше существование бесконечным и поэтому самодостаточным.

Самодостаточность может быть самодовольной (если мы ограничиваемся своим ничтожеством и наличным уровнем своего развития) и возвышенной. Возвышенность истинно осмысленной жизни производит впечатление подобно произведению искусства, т.е. представляет собой образец, побуждающий к подражанию, идеал, которого стремятся достичь, постоянно преодолевая сопротивление материала.

Сохранение такой возвышенной самодостаточности (автономии античных мудрецов) подобно постоянному творению произведения искусства, игре сил, направленных на идеальное формирование материала с целью сохранить себя в качестве образца. **Это - то, чего мы постоянно ожидаем от жизни, - ее смысл.**

Именно **сохранение себя в качестве образца** позволяет объединять и удерживать вокруг своего существования других. Но этого невозможно достичь посредством однократного действия, даже если оно представляет собой грандиозный переворот.

Новейшее время предполагает, что всякий **смысл существует только как процесс**. Процесс узнается по существенной новизне происходящего. Новизна воспроизводит усилие начала действия, она - всегда воспроизведение присутствия при вступлении в неизвестность, выдвигающего требование выбора и бесстрашия. Такое состояние для нас выступает как зло, поэтому **мы восстаем против того, кто требует от нас совершенства**, любим же мы тех, кто наоборот, принимает нас слабыми, т.е. таковыми, "какие мы есть".

Духовность - постоянное движение порождения смысла, в существе своем, только осмысленное изобретательство, обновляющее существование.

Духовность поэтому можно охарактеризовать как **способность к метафоре, как способность к постоянному превращению**, соединению того, что в горизонте привычного выглядит далеким друг от друга.

Технику можно рассматривать как постоянное движение метафоры (если воспользоваться психологической терминологией, как постоянный рефрейминг смысла). Такое рассмотрение позволяет ввести технику в горизонт духовности и эстетической деятельности, следовательно и в горизонт культуры.

Но такое признание не безболезненно для самих основ русской культуры. **Соборности теперь не остается места**, но это не означает, что исчезает единство людей и воцаряется всеобщее отчуждение и война всех против всех. Скорее наоборот - такое единение наконец получает **реальную основу в форме взаимного признания творческого начала**.

1992 г.

Написано после [Организационно-Деятельностной Игры](#) “Проблемы русской культуры”

Место и время проведения – Красноярск, 1991, июнь, 10 дней, под руководством [А.Н. Горбаня](#)

Участники – филологи, философы, деятели культуры, педагоги, бизнесмены в области культуры, психологи, историки, социологи, представители общественных религиозных движений, русские мистики.

Проблемы

- 1 Накопление и оформление опыта в русской культуре
- 2 Эффективность системы культуры

Интеллектуальные результаты

Обнаружены некоторые механизмы уничтожения символов русской культуры препятствующих освоению эффективных способов деятельности. Оформлены и соотнесены между собой точки зрения различных групп интеллектуалов на проблему возрождения Русской культуры

ОДИ "Проблемы русской культуры" была заказана культурно-экономическим центром "Россия-Канада" и "Русским национальным банком". Заказчики заинтересованы в диалоге с русской диаспорой в Канаде. Русские канадцы заинтересованы в том, чтобы понять, есть ли в Советском Союзе "русскость". Иными словами, понять, что в Советских и канадских русских общего кроме прошлого. Что есть русская культура, если не "кровь" и не государственность? Участие в ОДИ принимали педагоги, ученые, носители православия, представители эзотерических способов жизни и работы, коммерсанты в сфере науки и искусства.